

Г. К. ГРАФ

<«...Ему решительно все равно и до делегатов, и до пославших их офицеров, и до самого флота»>

<...> Конец мая и июнь ничего нового не принесли; положение было по-прежнему неопределенным и служило отражением событий в Петрограде. Во всяком случае, настроение было далеко не спокойным. Работа по «углублению революции» шла полным ходом, и команды левели с каждым днем. По адресу Временного правительства все громче и громче стали раздаваться брань и угрозы.

Тогда среди офицеров на флоте преобладал еще взгляд, что Керенский, бывший одновременно и главой правительства, и военно-морским министром, является исключением из общереволюционного синклита. У нас на него смотрели как на «русского Монка¹». Впрочем, не одни только морские офицеры ошибались в оценке Керенского: о его «удивительной порядочности и честности» почему-то твердила вся Россия.

Поэтому когда на флоте стали усиливаться большевистские течения, то, чтобы в Петрограде не заблуждались относительно истинного положения на нем, офицерский союз послал к Керенскому делегацию из двух лиц.

Приехав в Петроград, эти офицеры явились на квартиру морского министра, где в то время жил Керенский, и объяснили цель своего приезда. Им было предложено несколько обождать в приемной, так как «министр завтракает». Прождав час, офицеры спросили, долго ли им придется еще ждать. Оказалось, что «министр лег немного отдохнуть». Прошел еще час. Опять напоминание о своем существовании. Ответ гласил: «Министр уже встал, но спешно вызван на митинг. Он сказал, что скоро вернется». Только через полтора часа в приемную вошел дежурный офицер, который наконец сообщил, что Керенский просит пройти в кабинет, куда сейчас придет.

Керенский вошел туда, окруженный целой свитой, со снисходительно-величественной улыбкой на лице. Поздоровавшись с делегатами и пригласив всех сесть, легким наклоном головы он дал понять, что готов слушать.

Один из делегатов начал подробно излагать положение вещей, которое и тогда имело уже катастрофические симптомы. Казалось бы, эти сведения не могли не заинтересовать морского министра и главу государства. Ведь ему говорили офицеры, только что прибывшие с места и отлично знакомые с состоянием флота. Кроме того, это была не случайная беседа, а специальное сообщение уполномоченных от офицеров Балтийского флота; таким образом, их устами как бы говорили все наши офицеры.

Проговорив несколько минут, делегат взглянул на «министра» и... осекся. На бледном, бесцветном, с маленькими глазками лице «народного вождя» он прочитал не только безразличие, но и смертельную скуку: скоро ли, мол, меня оставят в покое... Было ясно видно, что ему решительно все равно и до делегатов, и до пославших их офицеров, и до самого флота.

Несколько минут длилось глубокое молчание. Офицеры ждали со стороны Керенского хоть малейшей реплики, чтобы знать, продолжать ли говорить дальше. Однако Керенский был точно в забытьи. Тогда кто-то из лиц его свиты почтительно напомнил ему, что «доклад уже кончен». Очнувшись, тот пробормотал несколько слов благодарности за «столь ценную информацию» и стал прощаться.

Офицеры вышли в полном недоумении и молча переглянулись. Они поняли, что если во главе армии и флота останется присяжный поверенный, то добра ждать нечего. Пожалуй, любая делегация от «товарищей-матросов» с требованием об увеличении жалования или пайка встретила бы другое отношение, но что за смысл «возиться» с офицерами!

Увы! У власти стоял не «Монк», а просто... Керенский.

